

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in shades of gray, framing the text.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ВРЕМЯ
ЧЕРНОЙ
ЛУНЫ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки Е. Петровой

Редактор серии Е. Дмитриева

Корсакова, Татьяна.
К69 **Время Черной луны / Татьяна Корсакова. —**
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-188853-4

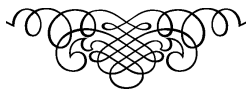
На груди у Лии пригнулся амулет — медный диск с полумесяцем в центре. Она носит его с самого детства, не догадываясь, какое влияние он оказывает на ее судьбу. Но в ее жизни уже начинают происходить события, объяснить которые с точки зрения здравого смысла невозможно.

Приближается полночь — время, чтобы наконец разобраться, кто твой друг, а кто враг. Это время Черной луны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-188853-4

Белая глина плавится в руках: не сопротивляется, но и не помогает. Плохой материал, капризный, но зато самый надежный. Так сказал Оракул Оби. Оракул никогда не ошибается.

Времени мало. Время — дорогой товар. Вчера ты богач, а сегодня уже бедняк. Удары сердца провожают ускользающие секунды, но не могут замедлить их бег, а глина не слушается...

Все нужно сделать правильно. Вот так: тело тонкое и гибкое, длинная шея, маленькая голова, волосы...

Волосы белые и мягкие, как пух, — удивительные, настоящие. У Лунной девочки должны быть белые волосы. А глаза черные и блестящие — эбонитовые бусины подойдут.

Губы. Губы не так уж важны. Намного главнее родинка на подбородке, маленькая, похожая на полумесяц.

Глина забивается под ногти, липнет к ладоням. Руки из-за нее кажутся белыми, как у Лунной девочки. Их некогда мыть. Время — дорогой товар, его почти не осталось.

В ушах стук барабанов, стены комнаты то наваливаются, то отплывают, потолка больше нет —

вместо него полуслепая черная луна. Нет, еще не совсем черная, но уже опасная.

Духи злятся, торопят, звук барабанов заглушает их слабые голоса. Надо спешить.

Зубы впиваются в край красной, точно молодая кровь, ткани. Ткань трещит, в зубах остается неровный клочок — платье для Лунной девочки.

Вот так, завернуть в него куклу, поверх обмотать веревкой — виток, еще виток.

Эбонитовые глаза смотрят с укором. Кукла еще не живая, однако все понимает. Кукле не нравится то, что с ней делают. Нужно, чтобы она стала настоящей...

Барабаны звучат громче, в спину что-то врезается, взгрызается в плоть, растворяется в теле. Перед глазами кровавый туман — духи бывают очень жестоки. Тем более когда времени мало. Главное — не сопротивляться...

Голова болит и кружится — это расплата за помощь духов. Цена, конечно, скромная, особенно для такого нелегкого дела.

Кукла теперь живая. Волосы — белый пух, глаза-бусины, родинка на подбородке, красное платье и, самое главное, амулет: медный диск с полумесяцем в центре, черный шнурок, змеей обвивающий тонкую шею.

Во рту горько и сухо, стены большие не качаются, и черная луна исчезла. Духи молчат — ждут.

Кукла сопротивляется, маленькие пальцы больно царапают кожу, оставляя на ней кровавые следы. Такие следы долго не заживают. Не надо бороться, Лунная девочка, все будет так, как задумано.

Сжать гибкое, горячее тельце в ладони, поднести к лицу. В эбонитовых глазах — ненависть пополам со страхом, в глиняной груди трепыхается

стеклянное сердце. Кукла уже живая, но еще не настоящая. Еще не вместилище...

— *Нарекаю тебя...* — *говорить больно, а время почти вышло.* — *Нарекаю тебя Лией...*

— Ну-ка, что у нас тут? — Чужие лапы жадно шарят по телу, сжимают сначала грудь, потом горло. Дышать больно, кричать невозможно.

Сама виновата! Просидела полночи на работе, опоздала на последний автобус, пошла напрямиком — через пустырь...

А теперь эти лапы на горле, и смрадное дыхание — запах гниения и перега-ра...

Платье трещит и рвется по вороту. Платье жалко, еще совсем новое, почти ненадеванное, купленное на распродаже в самом настоящем бутике, по скидке, за смешные деньги...

— А это что за побрякушка? — Вонь усиливается, перед глазами появляется небритая рожа. У рожи мешки под глазами, во рту не хватает половины зубов. Корявый палец подныривает под кожаный шнурок, вытаскивает из-за пазухи медальон. — Эй, глянь, какая цацка!

Рядом с первой рожей возникает вторая, такая же жуткая. Даже хуже: одного глаза нет, а второй наполовину заплыл.

— Похоже, что золотая цацка-то. — В единственном глазу зажигается алчный блеск.

Цацка не золотая, она это прекрасно знает, а вот сережки самой высокой, девяносто пятой пробы.

Попытаться, что ли, поторговаться: девичью честь в обмен на серьги?

— У-у-у! — Чтобы торговаться, нужно иметь возможность говорить, а она даже дышит с трудом. У нее, дуры непредусмотрительной, вообще нет никаких

возможностей. Газовый баллончик, и тот остался на рабочем столе. Получается — ни чести, ни сережек...

— Думаешь, золотая? Не уверен. — Циклоп всматривается в ее лицо, заскорузлая ладонь неторопливо скользит по волосам, запорокидывает голову. — А сережки точно...

От резкой боли на глаза наворачиваются слезы, изо рта вместе с облачком тумана вырывается крик, по шее течет что-то липкое и теплое.

— Не ори, коза. — Циклоп лыбится, прячет сорванные сережки в карман. — Рано кричать, ничего плохого-то с тобой еще и не случилось.

В его взгляде не алчность, а похоть.

Теперь ей по-настоящему страшно: до дрожи в коленях, до потрескивания электрических разрядов в волосах. Платье жалела, сережки... Себя надо было пожалеть, потому что эти двое одной лишь девичьей честью не ограничатся...

Господи, а она ведь и не жила-то толком! Двадцать семь — разве ж это возраст для смерти? Да еще такой: отвратительной, смрадной, неприкаянной...

— Чего смотришь на меня, коза?! Чего гипнотизируешь? — Одноглазая рожа совсем близко, от мерзкого запаха к горлу подкатывает тошнота, а где-то в животе скручивается тугой пружиной ярость.

Умереть на заброшенном пустыре от рук вонючих бомжей? Уши порваны, платье испорчено, и бедному телу скоро достанется... А у нее столько планов, и в жизни она еще ничего не видела, и мама без нее пропадет...

Ярость неконтролируема, словно где-то внутри выстреливает стальная пружина: ногти впиваются в ненавистную рожу, колено впечатывается в пах. Врешь — не возьмешь!

Дышать становится легче. Это потому, что ее ни-

кто больше не держит. Циклопу есть за что подержаться — с ударом она все верно рассчитала, — а его приятель, похоже, не до конца понимает, что происходит. Стоит, раскинул в стороны руки-грабли, матерится, но с места не двигается.

Бежать! Карт-бланш ненадолго. Еще пару секунд промедления — и наступит смерть, смрадная и неприкаянная.

Дыхание сбивается, в ушах шумит и щелкает, а в боку болит. Забеги на длинные дистанции не ее конек. Спринтерский рывок — это да, но не по бесконечному пустырю, не на высоких шпильках.

— Куда, сука?! — Голос совсем близко. Не помог карт-бланш.

Шипастый куст царапает щеку, цепляется за платье, тормозит, не пускает. Ничего, осталось несколько шагов. А царапины заживут, подумаешь — царапины.

Вот уже и спасительные огни многоэтажек. Огней немного, но они есть. Значит, кто-то не спит, и вопли ее услышат, если что. Еще чуть-чуть — и не будет никаких кустов, никакой торчащей из земли арматуры, никаких вонючих маргиналов. Только бы добежать...

— Стоять! — Каблук-предатель ломается, ноге больно, а в глазах — серебристый туман. «Чуть-чуть» не считается, недобежала...

Цепкие руки грубо хватают за платье.

— Стоять, я сказал...

Дернуться, заорать как можно громче, позвать на помощь. Вдруг повезет, ведь дома же рядом. Главное, на рожу эту мерзкую не смотреть, в глаз этот циклопий...

Получается: и заорать, и дернуться, и даже вырваться. Вот только убежать не выходит. Непослушное тело валится назад. Все из-за каблука...

Земля мягкая, а затылку почему-то больно. Острая

вспышка — и серебристый туман становится красным. В нем плавают звезды и черная луна. Звездам все равно, а луне любопытно. Она опускается все ниже и ниже, пока не превращается в одноглазую рожу...

— А девка-то того, кажись, окочурилась...

— Ну дык, денежки-то нам за то и уплочены...

Туман сгущается, в нем нет уже ни боли, ни звезд, ни луны, ни Циклопа. И ее, Лии, больше нет...

...Кукла, нареченная Лицей, теперь не сопротивляется и даже не смотрит на него, своего мучителя. Глаза-бусины тусклые, от недавнего живого блеска не осталось и следа. Глиняная голова расколота, из трещины сочится кровь, окрашивает красным мягкие, как пух, волосы. Платье, порванное спереди и сзади, обвивает тонкие ножки грязными лохмотьями. Бедная кукла... Бедная Лунная девочка...

* * *

— Чего, Монгол, дрейфишь?! — Ленька Зубарев врезал носком ботинка по утопающей в кромешной темноте неприметной дверце.

Кто дрейфит? Нашли чем пугать бывалого! Он на Байкале на пятнадцатиметровую глубину погружался, с вертушки с парашютом прыгал аж шесть раз, на Кавказ в горы ходил в поход не абы какой, а пятой степени сложности, а тут такая ерунда — городской морг. И никакая это не проверка на смелость — он свою смелость уже давно кому требовалось доказал, — а самая обыкновенная глупость и мальчишеская бравада. Просто Зубарев, который в жизни своей ничего страшнее майской грозы не видывал, после пол-литры водки вдруг воззрился на него глазами,

еще не стеклянными, но уже шальными, и задал риторический вопрос:

— А не слабо ли тебе, Монгол?..

А он, дурак, вместо того чтобы послать Зубарева куда подальше и самому отправиться на боковую, повелся на провокацию:

— Не слабо, — даже недослушал, что товарищ вознамерился ему предложить. Не зря бывшая подружка называла его бедовым.

— Дружбан у меня есть, одноклассник, — Зубарев икнул и радостно улыбнулся, — совершенно отмороженный тип, работает санитаром в судебно-криминалистической лаборатории. Страшилки рассказывает такие — аж кровь в жилах стынет. Ну, там, про случаи всякие разные, про покойничков неупокоенных и тайны неразгаданные. Говорит, что на его работе никто долго не задерживается, а если задерживается, то либо сидит до срока, либо спивается, потому как по-другому не получается, крышу сносит едва ли не в первую ночь дежурства.

— Так уж и сносит? — Ему бы сразу догадаться, к чему Зубарев клонит, а он вопросы начал задавать...

— А то! Когда ты один, а их десятки — это ж тебе не хухры-мухры!

— Кто — они?

— Ну, трупы. Переночуй-ка ночь в такой теплой компании, точно посидеешь. Тут Гоголь со своим «Вием» отдыхает. И, наверное, даже Кинг... — Зубарев нервно поежился, посмотрел с вызовом. — Валик меня давно уже на огонек зазывал, чтобы я лично убедился, что это все не пустые разговоры, а истинная правда.

— Про Вия?

— Да не про Вия, а про профессиональную вредность. Ты понимаешь, я ему о том, как нынче тяжело

работать менеджером в солидной компании, постоянные нервы и стрессы. А он мне: «Ты, Зубарь, еще настоящих стрессов не видел, и все твои риски — чистой воды детский сад». Это он к тому, что у нас с тобой, людей занятых и карьерно реализованных, не работа, а детский сад, а у него, недоучки, — сплошной «хичкок».

— Ну и что? Пусть даже и «хичкок», нам-то с тобой что? — Вообще-то у него, Александра Сиротина, на рабочем месте едва ли не каждый день «хичкок». То конкуренты какую-нибудь ерунду замутят, то договора «подвиснут», то вот кризис, будь он неладен.

— А то, — Зубарев начал заводиться, — что Франкенштейн этот доморощенный считает нас с тобой хлюпиками и ничтожествами, а себя таким бесстрашным суперменом, борцом с темными силами.

— Пусть считает, надо же ему как-то ночи коротать.

— Нет, ты его слов не слышал, он мне прямо в глаза заявил, что если я окажусь на его месте хотя бы на пару часов, то обделаюсь! Я, человек, который контракт на чертову кучу денег у конкурентов буквально из пасти вырвал, головой своей рисковал!

— Положим, головой ты, Леонид, не рисковал. — Монгол с легкой завистью посмотрел на вихрастую башку товарища, провел ладонью по своей бритой макушке. Двухдневная щетина уже начинала колоться да и выглядела, наверное, не слишком презентабельно. Завтра надо бы побриться. Точнее, уже сегодня. — Но места своего мог бы запросто лишиться.

— Так вот и я о том! — оживился Зубарев. — Я о том, что наши с Валиком риски несоразмеримы, а он тупо продолжает называть меня хлюпиком. Так если тебе не слабо, я звоню! — Он выудил из кармана мобильник.

— Кому, Франкенштейну своему? — Монгол обвел взглядом уютный бар и с тоской констатировал, что

уходить отсюда ему совсем не хочется: ни домой, ни уж тем более в сомнительное место под названием «городской морг». Хорошо еще, что завтра суббота и можно будет отоспаться после бессонной ночи, а в будний день он бы на зубаревские провокации ни за что не повелся.

— Ему, окаянному, — Ленька поднес трубку к уху. — Только бы он сегодня дежурил.

Им «повезло», Валик-Франкенштейн дежурил. Мало того, звонку Зубарева обрадовался невероятно, велел выдвигаться незамедлительно и для успокоения нервов, которым непременно грозят страшные потрясения, захватить с собой побольше водки. Ну и закуси. Как же без нее?!

До места они добрались быстро. Ночной город на пару часов забыл о пробках, был дружелюбен и назойлив, как подвыпивший товарищ: подмигивал разноцветными огнями рекламы, зывал распахнутыми дверями клубов, казино и круглосуточных супермаркетов, соблазнял пугливыми стайками проституток. Город жил и развлекался, а им, двум дурням, предстояло коротать ночь в обществе трупов и санитаров с манией величия...

— ...Ты, главное, не дрейфь! Поздно дрейфить-то! — Зубарев продолжал дубасить в запертую дверь, но по истеричным ноткам, проскальзывающим в его голосе, было понятно, что подбадривает товарищ, скорее всего, самого себя.

Монгол молча отодвинул Зубарева в сторонку, поширил ладонью по стене и нажал на кнопку звонка. Чего силы тратить и казенное имущество крушить, если вот оно — чудо прогресса? Главное, чтобы это чудо еще и работало, а то мало ли что. Вон, к примеру, на территории морга ни один фонарь не горит. Может, из экономии, а может, для пушшего антуражу.

Время шло, а им так никто и не открыл.

— Ну, что стоять-то тут? Может домой? — с плохо скрываемой надеждой спросил Зубарев и испуганно вздрогнул, когда за их спинами что-то зловеще хрустнуло.

— Здрашत्वуйте, гошти дорогие. — Из темноты вынырнула долговязая тень. — Давненько я человечешкой кровушкой не баловалша.

Скудного лунного света хватило, чтобы увидеть белый балахон, раскинутые в стороны лапы и фосфоресцирующие клыки.

— Матерь Божья... — Зубарев прижался спиной к запертой двери и забормотал что-то неразборчивое.

Чудо в балахоне Монгола не впечатлило, скорее взбесило — самому захотелось кровушки или, на худой конец, свернуть кому-нибудь шею. Возможность представилась почти сразу же: привидение или вампир — хрен поймешь — с замогильным подвыванием шагнуло навстречу. Шея у него оказалась хилой, прямо-таки цыплячьей, и как только Монгол сжал ее чуть посильнее, подвывания сменились жалобным визгом.

— Эй, мужик, ты што, шуток шовсем не понимаешь? — При ближайшем рассмотрении оказалось, что это, конечно, не вампир, а тщедушный, облаченный в медицинский халат парень, дикцию которого изрядно портила пластмассовая вставная челюсть.

— Таких не понимаю. — Монгол разжал пальцы, и горе-вампир отпрянул в сторону. — Вроде бы в гости серьезных людей позвал, а сам тут устраиваешь какой-то цирк. Зубы где взял?

— У племянника одолжил. — Челюсть шлепнулась на крыльцо, противно хрустнула под наступившим на нее ботинком. — Думал, прикольно получится, а вы совсем без юмора.

— Я с юмором, — подал голос приободрившийся Зубарев, — я тебя, Валик, сразу узнал.

— А чего ж, если узнал, чуть дверь от страха не снес? — Валик поднялся на крыльцо, зазвенел ключами.

— Так это я подыграть тебе решил, думал товарища своего напугать, а он, видишь какой оказался, без юмора...

— В моем деле без юмора никак нельзя, потому что...

Разъяснения Валика потонули в пронзительном скрипе открывающейся двери, под козырьком крылечка ярко вспыхнула лампочка. Значит, электричество в этом царстве мертвых все-таки имеется, просто его экономят.

— Водку принесли? — В бескомпромиссном электрическом свете от готического антуража зубаревского одноклассника не осталось и следа. Высокий, болезненно худой, с копной рыжих волос и редкой щетиной, парень выглядел не особо респектабельно и на роль Харона совсем не годился. Даже подозрительные бурые пятна на мятом медицинском халате не добавляли ему brutality. Невольно задашься мыслью — а стоит ли такому заморышу что-либо доказывать?

— Обижаешь, — Зубарев кивнул на стоящий на крыльце пакет с провиантом.

— А пожрать? Жрать что-то хочется. — Валик-Франкенштейн уже окончательно оправился от пережитого унижения и теперь давал понять, что ситуация под контролем и главный в ней именно он, а не какие-то там залетные гости.

— И выпить, и пожрать, — Зубарев в нетерпении пританцовывал перед распахнутой дверью, но войти не решался. — Ну, что ж ты нас на пороге держишь, что ж не приглашаешь в свою обитель страха?

— Обитель страха — как ты хорошо сказал, — Франкенштейн приосанился. — Главное, чтобы вы потом не пожалели. — Его рябая от веснушек морда расплылась в зловещей улыбке.

— Не пожалеем. — Монгол, которому ритуальные танцы на крыльчке изрядно надоели, оттер Франкенштейна от двери и решительно переступил порог.

На первый взгляд ничего ужасного в «обители страха» не наблюдалось. Если не принимать во внимание явные следы запустения. Длиннющий, похожий на тоннель коридор с облупившейся грязно-зеленой краской на стенах терялся в темноте. От выложенной в шахматном порядке черно-красной плитки рябило в глазах. Пол, казалось, бугрился и вздыбливался под ногами. А может, это был вовсе не оптический обман, а разгильдяйство плиточников. Выяснить причину Монголу не хотелось.

— Куда идти? — спросил он не оборачиваясь.

— Прямо по коридору, — в голосе Франкенштейна послышались злорадные нотки, — там в самом конце будет лестница в подвал.

— А нам в подвал? — подал голос Зубарев.

— Да, Леонид, нам в подвал. — Злорадные нотки сменились зловещими.

Монгол поморщился. Происходящее не нравилось ему все больше и больше. И не из-за страха. Коль уж этот рыжий заморыш тут обитает и со страху не умирает, то ему-то чего бояться? Просто неприятно плясать под чужую дудку, заниматься всякой ерундой, да еще в столь несимпатичном месте.

— А что в подвале? — не унимался Зубарев.

— Так они.

— Кто?

— Жмурики. — Франкенштейн щелкнул выключателем, и коридор осветился мертвенно-белым све-

том. — Вы ж сюда не просто так пришли, ребята? — Он обернулся, с вызовом посмотрел на Монгола, подмигнул притихшему Леониду. — Вы ж смелые и решительные, у вас же жизнь — сплошные стрессы. А мы тут так — ромашки нюхаем.

— Ромашки? — Зубарев потянул носом, — Что-то не особо тут ромашками пахнет. Химия какая-то.

— Формалин это, раствор для консервирования.

— А что консервируете?

— Огурцы, блин! Ты, Зубарь, что, совсем дурак? — Франкенштейн окинул побледневшего Леонида снисходительным взглядом и скомандовал: — Ладно, хватит разговоры разговаривать. За мной!

Коридор только сначала показался похожим на тоннель, а на поверку выходило, что состоит он не только из облупленных стен и бугристого пола, но имеет еще и два ряда дверей, выкрашенных все той же унылой зеленой краской. Скорее всего, в обычные дежурства, не обремененные гостями и жаждущими приключений экскурсантами, зубаревский одноклассник коротает ночи за одной из этих дверей. Небось дрыхнет себе на кушетке под зажженной настольной лампой и о своих необычных соседях думать не думает. А тут, видишь, перья распустил, челюсть вампирскую вставил, ужасами пугает. Тьфу...

— Вот уже почти пришли. — Франкенштейн притормозил перед единственной забранной решеткой дверью, загремел ключами.

— А решетка зачем? — Зубарев дернул его за рукав халата.

— Чтобы они не выбрались, — сообщил Франкенштейн зловещим шепотом.

Уточнять, кто «они», Леонид не стал, прижался спиной к облупленной стене, прикрыл глаза. Боится друг. Видно, что боится. Так зачем же поперся черт

знает куда, черт знает зачем?! Да еще и его с собой потащил. Хотя зачем потащил, понятно — для смелости. Если бы не Монгол, лежать бы сейчас Леониду на крылечке в глубоком обмороке, а потом еще долго посещать какого-нибудь дорожущего психотерапевта, чтобы избавиться от страха перед всякой нечистью. А одноклассничек его хорош, ради какого-то вшивого самоутверждения готов человека довести до нервного срыва. Монгол посмотрел на наручные часы — второй час ночи. Хорошо хоть, что водку с собой прихватили, будет чем время убить.

Вопреки ожиданиям в подвал вела не лестница, а пологий спуск. Облупленную краску на стенах сменила белая плитка с кое-где нарисованными на ней красными стрелками и бегущими человечками, видимо, указывающими направление экстренной эвакуации. Только вот странно, человечки бежали не вверх к зарешеченной двери, а вниз. Может, из этого царства мертвых ведет какой-нибудь подземный ход?

Монголу однажды довелось лежать с переломом в больнице, и от нечего делать он подробно изучил тамошнюю архитектуру. Получалось, что больница — это не только надземная часть, но еще длиннющие подземные коридоры, вот типа такого, соединяющие между собой корпуса, пищеблоки и хозяйственные постройки. Так что не исключено, что человечки бегут в правильном направлении, к какому-нибудь административному зданию или котельной.

Кстати, в отличие от своего надземного собрата этот коридор особой антипатии не вызывал. Единственное, что раздражало, — гулкое эхо, из-за которого казалось, что идут не три человека, а рота солдат.

— Долго еще? — Зубарев хорохорился, но чувствовалось, что о своем опрометчивом поступке он уже пожалел не единожды.

— Скоро, не дрейфь. — Франкенштейн вышагивал бодро, расстегнутый халат развевался за его спиной, точно рыцарский плащ. А следом по кафельной стене кралась долговязая тень, с виду совсем самостоятельная, автономная от своего придурковатого хозяина. От этой кажущейся автономности Монголу вдруг стало не по себе, захотелось на свежий воздух, а еще лучше — обратно в бар. Чтобы прогнать наваждение, пришлось спешным порядком разозлиться, благо, повод для недовольства имелся. Ладно Ленька, романтик и офисный авантюрист, ладно этот больной на всю голову Франкенштейн, но он-то сам — мужик серьезный и здравомыслящий. Зачем, спрашивается, впутался в такую идиотскую историю?! Но теперь-то уж что? Назад дороги нет.

Пока Монгол на чем свет костерил себя за мягкотелость и излишнюю подверженность чужому влиянию, окружающий подземный мир начал меняться. Сначала изменения были нестрашными: коридор стал уже из-за приткнутых у стен пустых каталок. А вот дальше... Дальше каталки оказались заняты. Под бурыми простынями отчетливо угадывались человеческие тела, кое-где выглядывали босые ноги с привязанными к синим щиколоткам бирками. Голливуд, только страшнее.

— Это еще что? — Голос Зубарева сделался слабым и хриплым.

— Они, — буркнул Франкенштейн, не замедляя шаг. — Сейчас же лето — пора отпусков. Врачей не хватает, всех жмуриков за смену вскрыть не получается. Вскрывают только самых важных, тех, из-за которых следы особенно наседают. А остальным приходится ждать своей очереди.

— В коридоре? — хмыкнул Монгол.

Взгляд приковала к себе тонкая, явно женская ру-

ка, свешивающаяся с каталки: длинные пальцы, красный лак на ногтях, плетеная из кожаных ремешков фенечка. Если судить по ней, девочка совсем молоденькая. Молоденькая, а уже прописалась тут, в подземном коридоре...

— Так это свежие, — Франкенштейн притормозил, одернул простыню, прикрывая руку с фенечкой, — им еще меньше суток. Утром персонал придет, рассортирует. А пока приходится тут... своей очереди ждать.

— Ужас. — Зубарев смахнул выступившую на лбу испарину.

— И ничего не ужас. — Франкенштейн фамильярно похлопал лежащее под простыней тело, отчего простыня поползла вниз, обнажая стройную девичью ногу и край ярко-красной юбки. — Обычная рутина.

— Рутину... — Монгол отвернулся. Не потому, что испугался представшего взгляду зрелища, а от отвращения перед человеческим цинизмом. У девочки этой небось есть родители, любимый парень. Может, они ее сейчас ищут, места себе не находят, а она тут, под грязной простыней, в подземных катакомбах городского морга.

— Что, жутко? — Франкенштейн самодовольно усмехнулся. — Так вы еще самого интересного не видели.

— И не увидим, — сказал Монгол и так посмотрел на зубаревского одноклассника, что если у того и было желание поспорить, то исчезло оно быстро.

Рядом облегченно вздохнул Леонид, которому, судя по всему, происходящее уже давно перестало казаться забавным приключением.

— Так это... — Франкенштейн замялся, с тоской по-